

Нет автора

Русская старина

1903. 1_3

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская старина: 1903. 1_3 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 767 с.

ISBN 978-5-458-02864-6

ISBN 978-5-458-02864-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАНОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 г.

1903.

ЯНВАРЬ.— ФЕВРАЛЬ.— МАРТЬ.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ СТО ТРИНАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, В. Подъяч., № 39.

1903.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1903 годъ.

Имя цѣлю знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редація «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и рассказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе рассказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и рассказы иностранныя, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редація не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполне обеспеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждого мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣляется уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

*

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

И С Т О Р И Я
КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ
И
ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Н. О. ДУБРОВИНА.

ТРИ ТОМА,

закрывающіе 1480 страницъ текста, съ картами и планами.

Цѣна 9 рублей съ пересылкою. Съ требованіями обращаться

въ Товарищество «Общественная Польза», СПБ. Большая

Подъяческая, № 39.

Александръ I

И ЕГО ПРИБЛИЖЕННЫЕ ДО ЭПОХИ СПЕРАНСКАГО.

Неизданная глава изъ «Жизни графа Сперанскаго» барона М. А. Корфа).

(Изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова).

Ночь съ 11-го на 12-е марта 1801 года преобразила судьбы Россіи. Мрачныя ея тайны возвела на престолъ молодого монарха, которому предстояло пройти черезъ тяжелую школу испытаній, ошибокъ и бѣдствій, но который, при всемъ томъ, будетъ занимать самобытное мѣсто въ нашей исторіи, даже и тогда, когда исторія въ Россіи перестанетъ быть однимъ безусловнымъ панегирикомъ.

Жизнь и судьбы Сперанскаго были тѣсно связаны съ жизнью и судьбами Александра. Описывая первыя, нужно вепремѣнно коснуться и послѣднихъ, восходя даже къ тому времени, когда онѣ были еще раздѣльны.

«Императоръ Александръ, блистательный участникъ достопамятныхъ событій первой четверти XIX-го вѣка, есть одинъ изъ тѣхъ монарховъ новѣйшаго времени, которые оставили по себѣ самое великое имя въ исторіи и положили неизгладимую печать свою въ лѣтописи европейскіхъ знаменитостей. Обширныя приращенія, которыми расширилась при немъ Россія; пожаръ Москвы; страшное пораженіе союзной арміи въ 1812 году; освобожденіе Германіи и низложеніе Наполеона,—все это вмѣстѣ даетъ его царствованію характеръ увлекательнаго интереса и изумительнаго величія. По массѣ и важности соединенныхъ въ немъ

происшествій, этому царствованію едва-ли можно найти подобное въ цѣлой исторіи рода человѣческаго».

Такъ начинается характеристика Александра I-го въ сочиненіи англичанина Алисона, изданномъ подъ заглавіемъ: «Исторія Европы отъ начала французской революціи до возстановленія Бурбоновъ». Эту книгу очень настойчиво рекомендовалъ намъ, именно по вѣрности изображенія въ ней русскаго монарха, человѣкъ, знавшій его, конечно, очень близко, но котораго мнѣніе было болѣе приговоромъ преданнаго сердца, нежели строго безпристрастнаго разсудка. Мы разумѣемъ здѣсь извѣстнаго лейбъ-медика Александра Wylie, звуки англійской фамиліи котораго переложились у насъ въ русскую форму Вилье. «Oh, quel homme, quel homme c' était qu' Alexandre!»¹⁾, говаривалъ онъ намъ часто, въ порывѣ сердечнаго восторга: чувство умиленное, но подѣ влияніемъ котораго трудно писать исторію. Портретъ Алисона весь почти составленъ изъ такихъ же восторженныхъ восклицаній. Сверхъ того, онъ болѣе общеповѣствовательный, нежели индивидуальный, и Александръ изображенъ въ немъ внѣ круга его приближенныхъ, которыхъ очертаніе столь важно для собственной его характеристики²⁾.

Обстоятельства и усердные поиски сосредоточили въ нашихъ рукахъ довольно значительное число такихъ матеріаловъ, которые до сихъ поръ существуютъ только въ рукописяхъ и, частью, совершенно неизвѣстны публикѣ. Сверхъ того, мы прислушивались—разумѣется, съ строгимъ критическимъ разборомъ—къ разсказамъ людей, жившихъ и дѣйствовавшихъ въ ту эпоху, и перечитали съ такимъ же разборомъ, что только могли изъ напечатаннаго о ней въ Россіи и за границею. Несмотря на то, приступая къ біографической характеристикѣ императора Александра I-го, мы отнюдь не имѣемъ самолюбиваго притязанія составить что-нибудь полное, прагматическое, или произнести послѣднее слово. Мы старались достигнуть только того, чтобы наша компиляція—болѣе здѣсь читатель не найдетъ ничего—была, по возможности, точна, правдива и безпристрастна.

Въ царственной жизни Александра I-го ясно и рѣзко обозначаются три періода: первый—до послѣдней исполнинской борьбы его съ Наполео-

¹⁾ Т. е. О, что за человѣкъ былъ Александръ!

²⁾ Не только у Алисона и въ сотняхъ общихъ историческихъ сочиненій, біографическихъ сборниковъ, энциклопедій, словарей и проч., но и въ книгахъ, исключительно посвященныхъ жизни и дѣяніямъ Александра, имена Новосильдова, Сперанскаго, Аракчеева и проч. упоминаются лишь вскользь, безъ цвѣта и безъ жизни. Но какова же правдивость, какова полнота, какова даже возможность біографіи императора Александра I, безъ включенія въ нее названныхъ нами лицъ? Это все равно, что исторія Генриха IV безъ Сюлли, или Людовика XIII безъ Ришелье!

номъ; второй—отъ начала этой борьбы до низверженія его соперника; третій—отъ общаго мира до кончины Александра. Настоящій очеркъ посвященъ одному первому, такъ сказать, подготовительному періоду, сколько, впрочемъ, подобное разграниченіе доступно въ общей характеристикѣ.

Императоръ Александръ не принадлежалъ, конечно, ни въ какомъ отношеніи, къ числу натуръ обыкновенныхъ. Съ самыми счастливыми природными способностями, съ блестящимъ даромъ бесѣды, съ необычайною находчивостью въ отвѣтахъ и рѣчахъ, съ изумительною памятью, онъ соединялъ въ себѣ рѣдкую воспримчивость къ совершенно разнороднымъ, иногда даже совершенно между собою противоположнымъ впечатлѣніямъ. Въ умственномъ отношеніи преобладающими его качествами были особенная тонкость и прозорливость. Сердцемъ и чертами лица онъ болѣе всѣхъ братьевъ походилъ на свою бабу. И онъ, какъ Екатерина II, былъ не безъ добродушнаго сочувствія къ ближнему, но въ обоихъ это сочувствіе, сверхъ внутренняго влеченія, немало возбуждалось и тщеславіемъ. Оба дарили охотиѣ тѣмъ, у которыхъ уже и безъ того было много, и оба болѣе любили оказывать милости, нежели воздавать за заслуги, хотя, впрочемъ, Александръ былъ вообще менѣе расточителемъ на награды, особливо денежныя, нежели Екатерина II¹⁾. И бабу, и внука легко составляли себѣ хорошее о комъ-либо мнѣніе, но такъ же легко и перемѣняли его, а послѣ уже неохотно прощали свою ошибку и не любили снова обращаться къ тому, кто имѣлъ несчастіе подпасть ихъ неудовольствію. «Государь такъ памятенъ,—говаривалъ Трошинскій²⁾, одинъ изъ ближайшихъ къ нему въ началѣ его царствованія,—что ежели о комъ разъ одинъ услышитъ худое, то уже никогда не забудеть». И бабу, и внука умѣли, по минутному вдохновенію, произносить сердечныя и умныя слова, которыя навсегда врѣзывались въ память слышавшаго ихъ. Наконецъ, и бабу, и внука въ высшей степени владѣли искусствомъ покорять себѣ умы и проникать въ душу каждаго, утаивая между тѣмъ отъ другихъ собственныя свои ощущенія и помыслы. Монархамъ вообще не трудно казаться умнѣе и любезнѣе другихъ людей; но въ Александрѣ и рѣчь, и привѣтъ, и вся наружность имѣли еще, въ

¹⁾ За кровопролитѣйшую изъ битвъ, сраженіе Бородинское, Кутузову пожаловано было одновременно 100 тысячъ руб. ассигнаціями. Четыремъ братьямъ Васильчиковымъ, которые, всѣ въ генеральскихъ чинахъ, честно отслужили войны 1812—1814 гг., на просьбу о денежной ссудѣ, отвѣтствовано было, что она имъ выдается, если они, въ обезпеченіе ея, представятъ залогомъ имѣніе. Такихъ примѣровъ было много.

²⁾ Записки Н. С. Ильинскаго.—Этого мѣста нѣтъ въ печатномъ изданіи этихъ Записокъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1879 года.

добавокъ, видъ какой-то вкрадчивой откровенности, даже какого-то протосердечія, которыми тотчасъ привлекались сердца, какъ волшебнымъ взглядомъ прекрасной женщины. Онъ родился точно такъ же дипломатомъ, какъ Наполеонъ полководцемъ. Никто лучше его не умѣлъ тронуть и убѣдить, болѣе властвовать надъ лицами и надъ массами. Читая газетныя извѣстія о восторгѣ, съ которымъ въ 1813 году принимали русскаго монарха въ Германіи, и объ упоеніи, съ какимъ, при каждомъ случаѣ, бѣжалъ ему навстрѣчу народъ, Сперанскій, во время своего заточенія въ Перми, говорилъ ¹⁾: «Вѣрьте, что тутъ нѣтъ лжи; будь человѣкъ съ каменнымъ сердцемъ, и тотъ не устоитъ противъ обращенія государя: плѣвнется и воспламенится. Это сущій прельститель...». Другой, повидимому, мало значущій, но одно время (въ 1812 г.) чрезвычайно близкій къ Александру человѣкъ, правитель секретной канцеляріи министра полиціи Балашова де-Сангленъ, выражается о немъ въ своихъ Запискахъ подобнымъ же образомъ: «Одаренный необыкновеннымъ обаяніемъ и искусствомъ ослѣплять и приковывать сердца—пишетъ онъ ²⁾—государь умѣлъ, внѣшнимъ величіемъ чувствъ, облагораживать самыя свои недостатки».

Многіе любили Александра почти такую страстію, какую, казалось бы, можно вообразить себѣ только между лицами разнаго пола.

Все описанное нами было, впрочемъ, плодомъ не исключительно однихъ врожденныхъ наклонностей или дарованій. Воспитаніе и сила внѣшнихъ обстоятельствъ всегда имѣютъ важное вліяніе на человѣка: въ Александрѣ они, такъ сказать, создали и опредѣлили весь его характеръ.

Судьба, съ самаго младенчества, поставила его между двумя противоборствовавшими началами: между бабкою, похитившею престолъ, и отцомъ, устраненнымъ отъ законнаго своего наслѣдія и стоявшимъ постоянно во главѣ оппозиціи. Первый наставникъ будущаго самодержца, умный и добродушный, но чрезъ мѣру восторженный швейцарецъ Лагарпъ, вращался болѣе въ мечтательныхъ теоріяхъ, нежели въ дѣйствительной жизни, и дотога преданъ былъ идеямъ своего времени, что, когда закипѣла французская революція, то славилъ первыми своими героями Барраса и аббата Сіеса ³⁾. Среднія степени въ умственномъ образованіи порфиророднаго отрока занимали люди съ неоспоримыми достоинствами: благоразумный, кроткій, посвящавшій себя болѣе литературѣ, нежели двору, Николай, ученый Эпинусъ, Остервальдъ, Палласъ, Крафтъ и другіе. Но за то, во главѣ воспитанія нравственнаго,

¹⁾ Записки пермскаго купца Попова.

²⁾ Записки де-Санглена.

³⁾ Слышано отъ великаго князя Михаила Павловича.

дѣйствовалъ Николай Ивановичъ Салтыковъ (послѣ графъ и наконецъ князь), одинъ изъ хитрѣйшихъ царедворцевъ своего вѣка. Пока Лагарпъ проповѣдывалъ своему питомцу либеральныя и филантропическія идеи, Салтыковъ воздѣлывалъ его характеръ совсѣмъ въ иномъ направленіи, уча его и въ теоріи и на практикѣ, какъ угождать въ одно и то же время властолюбивой бабкѣ и подозрительному отцу ¹⁾.

¹⁾ Салтыковъ, хотя и возведенъ былъ потомъ Александромъ на вершину почестей, не имѣлъ никакихъ выдающихся достоинствъ, ни какъ государственный человѣкъ, ни какъ частное лицо. Вотъ что пишетъ о немъ въ своихъ Запискахъ И. И. Дмитріевъ: «Въ обѣихъ столицахъ, особенно же въ Москвѣ, почитали его весьма дальновиднымъ и хитрымъ, несмотря на его наружное смиреніе. Это заключеніе основывалось болѣе на томъ, что онъ, при трехъ правленіяхъ, пользовался въ равной силѣ царскимъ благоволеніемъ. Не отрицаю приписываемыхъ ему достоинствъ, но, рассматривая его, какъ государственнаго человѣка, я не знаю, когда и чѣмъ онъ заслужилъ столь высокое о немъ мнѣніе. Въ лѣтахъ мужества, во время войны съ турками, оконченной Кайнарджискимъ миромъ, онъ былъ, такъ сказать, рядовымъ генераломъ; ни въ одной реляціи не шумѣло имя его. Предсѣдательствуя потомъ въ Военной коллегіи, имѣя случай во всемъ пространствѣ развить способности государственнаго ума, онъ держался того хола въ дѣлахъ, какой былъ заведенъ предѣстникомъ его, княземъ Потемкинымъ. Лучшаго было только то, что скорѣе подписывались имъ бумаги. Я не помню, чтобы онъ когда-нибудь сказалъ въ Совѣтѣ или Комитетѣ рѣшительное, собственное мнѣніе: брося нѣсколько словъ, ничего незначащихъ, онъ обыкновенно приставалъ къ тому, кто былъ, на его счету, важнѣе прочихъ, т. е. случайнѣе. Послѣ сего трудно ли было такъ долго держаться на своемъ мѣстѣ!» (И. И. Дмитріевъ. Взглядъ на мою жизнь, Москва. 1866, стр. 203). Это было въ 1810—1812 гг. А вотъ что писалъ о томъ же Салтыковѣ въ своихъ Запискахъ статсъ-секретарь императрицы Екатерины А. М. Грибовскій, въ 1792 г.: «Салтыковъ почитался человѣкомъ умнымъ и проницательнымъ, т. е. весьма твердо зналъ придворную науку, но о дѣлахъ государственныхъ имѣлъ знаніе не превосходное; однакожъ, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, всѣ почти государственныя дѣла были сообщаемы на его уваженіе, но я не помню, чтобы хотя по одному далъ онъ мнѣніе противное. Въ дѣлахъ же, собственно ему порученныхъ, управляемъ былъ своимъ письмоводителемъ, а въ домашнихъ графиню неограниченно. Писалъ, собственною рукою, по старинному, затруднительно. Свойства былъ нетвердаго и ненадежнаго: случайнымъ раболѣпствовалъ, а упавшихъ чуждался. Сей то человѣкъ представлялъ въ сіе время первое почти при дворѣ лицо, былъ генералъ-аншефъ, имѣлъ всѣ русскіе ордена, предсѣдательствовалъ въ Военной коллегіи, которая была въ полномъ своемъ дѣйствіи, и главнымъ образомъ при воспитаніи великихъ князей. Жилъ во дворцѣ со всею фамиліею, на всемъ придворномъ содержаніи, стоившемъ въ годъ 200 тысячъ рублей, въ которое время приобрѣлъ, черезъ сбереженіе своихъ доходовъ, около 10 тысячъ душъ, да жалованныхъ имѣлъ 6 тысячъ душъ и родовыхъ столько же; впрочемъ, былъ крайне скупу» (Записки А. М. Грибовскаго, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1899 года, книга первая, стр. 3—4).